

канатацыю. У тэкстах газетных артыкулаў рэгулярна назіраецца лексічная сінестэзія: лексэмамі паху абазначаюцца смакавыя ўласцівасці і наадварот.

Так, аўтар артыкула “Дзень кахання” (“Бабруйскае жыццё”) прыводзіць прыклады светлых і прыгожых чалавечых адносін з беларускай літаратуры і тут жа піша: *...На жаль, не заўсёды так здараецца ў каханні. Салодкае пачуццё нярэдка літаральна змяняецца вялікім сумнівам...* Выраз *салодкае пачуццё* вельмі частотны для характарыстыкі кахання, шчасця, радасці. У гэтым выпадку можна гаварыць пра смакі-стэрэатыпы. Артыкул “*Смачны дзіцячы сад*” (“Петрыкаўскія навіны”) у самім загалоўку змяшчае дэгустацыйную лексэму. Яна ўжыта ў пераносным значэнні з мэтай прыцягнуць увагу, зрабіць назву гаваркой. У матэрыяле расказваецца пра спаборніцтва повараў дзіцячых садоў.

Перцептыўныя лексічныя адзінкі, якія прысутнічаюць у назве артыкула, не абавязкова сустракаюцца і ў яго тэксце. Часта ў назве падаецца пераноснае значэнне слова, пачуццёвая метафара, а далей раскрываецца актуальны сацыяльны змест. Гэта дэманструе артыкул “*Горкі смак замежнай казкі*” (“Рэспубліка”). Выраз *горкі смак* ужываецца для паказу сітуацыі працаўладкавання беларусаў за мяжой, увага акцэнтуюцца на частых выпадках рабства. У лексэмах са значэннем смаку можа быць закадзіравана апісанне пачуццяў чалавека: *...А яшчэ зусім нядаўна ў гэтым сэрцы жылі горыч расчаравання і адзіноты* (“Рэспубліка”). Назва артыкула “*Яблыкі з горкім смакам*” (“Культура”) зноў жа ілюструе пераноснае ўжыванне выразу: яблыкі як сімвал гора, бяды ў сцэнічнай дзеі міні-тэатра.

Назва артыкула “*Салодкая экзотыка*” (“Рэспубліка”) уяўляе сабой вербалізаваную смакавую метафару, але прама адпавядае зместу, дзе расказваецца пра смачныя стравы з салодкіх чарніц. Лексэма *салодкі* характарызуе смак ягад, якія для масквіча з’яўляюцца беларускай экзотыкай. Артыкул насычаны дэгустацыйнай лексікай, словазлучэнне *кавалачак лета* таксама надзяляецца смакавымі ўласцівасцямі.

Альфакторныя лексэмы могуць выражаць пахі-стэрэатыпы, звязаныя ў мове і мысленні людзей са станючымі або адмоўнымі з’явамі і пачуццямі. Нярэдка лексічныя адзінкі паху ўжываюцца ў прамым значэнні. *Які прыемны водар стаіць над роднай зямелькай! Ад свежаскошаных траў першага майскага ўкосу ішоў пах малачая, падарожніка, кранівы... Хочацца ўдыхаць гэты водар, слухаць спеў птушак і хочацца жыць* (“Звязда”). Ствараецца цэласная альфакторная карціна, закадзіраваная моўнымі сродкамі.

Такім чынам, у сродках масавай інфармацыі лексэмы са значэннем паху або смаку часта метафарызуюцца і набываюць пераноснае значэнне з мэтай паказаць пэўны момант з жыцця, даць станючую ацэнку пазітыўным з’явам ці пакрытыкаваць адмоўныя. Смакавыя і пахавыя метафары здольны ўзмацніць эфект уздзеяння матэрыялу на чытача. У прамым значэнні альфакторная і дэгустацыйная лексіка ўжываецца для стварэння яркіх натуралістычных замалёвак, што дасягаецца выкарыстаннем вялікай колькасці пачуццёвай лексікі, паўтарэннем асобных слоў для яскравага выяўлення асноўнай думкі публіцыстычнага тэксту.

©МГЛУ

КОМУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

О.О. КРЕНЬ, Л.Я. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

The article considers communicative and pragmatic characteristics of legal discourse in the French and Russian languages. It is shown that although legal texts in different fields of communication have a specific complex of linguistic, communicative and pragmatic peculiarities, they have common requirements for its composition. Using contrastive and contextual methods, the authors have identified a number of lexical, grammatical and syntactical transformations to communicate the same legal information in the same situation in the French and Russian languages

Ключевые слова: юридический дискурс, коммуникативно-прагматические характеристики, сферы общения

Термин «дискурс» был введен в лингвистику в 1952 году, но до сих пор не получил единого определения, так как существуют различные подходы к его изучению. Понимая дискурс как язык в контексте социальной коммуникации, следует учитывать, что одной своей стороной дискурс обращен к прагматической ситуации, а другой – к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или иных условиях. Поэтому любой текст именно в составе всех вышеназванных факторов, и в особенности, в составе культуры приобретает свою полную окончательную определенность.

Юридический дискурс как институциональный дискурс выделяется своей четко проявляющейся прагматической функцией языка, заключающейся в том, чтобы вызвать у адресатов, к которым он

обращен, определенные реакции, склонить их к определенному поведению. Но юридический дискурс неоднороден, так как состоит из различных «слоев», которые отличаются друг от друга степенью официальности и индивидуализации. Ядром юридического дискурса является язык закона, который плавно переходит в периферийные области, связанные с различными социальными сферами: профессиональная деятельность юристов, публицистика, бытовое общение, художественное творчество. В таких случаях юридический подстиль взаимодействует с другими функциональными стилями языка, что влечет использование особых языковых средств. Однако, несмотря на это, для текстов юридического дискурса, порожденных в различных коммуникативных ситуациях характерно: а) соблюдение определенных правовых и языковых требований, таких как культура речи, смысловая точность и цельность, последовательность изложения, композиционная четкость; б) использование речевых клише; в) использование юридических терминов, многие из которых представляют собой сложные слова и словосочетания, значение которых отличается от значения отдельных слов, входящих в их состав.

Анализ текстов юридического дискурса позволил выявить языковые различия во французском и русском языках и способы передачи одной и той же юридической информации в одной и той же коммуникативной ситуации с одного языка на другой, выражающиеся в грамматических (35%), лексических (29%) и синтаксических (36%) преобразованиях. Основными способами адекватной передачи лексических структур является конкретизация (31%), грамматических структур – выражение артикля (39%), синтаксических структур – изменение субъектно-объектных отношений (41%).

Изучение коммуникативно-прагматических и языковых характеристик позволило заключить, что юридический дискурс представляет собой целый комплекс признаков, которые зависят от поставленной цели и выражения намерения в соответствии с ситуацией и образуют таким образом дискурсивно-коммуникативные модели, четко выражающиеся в различных социальных сферах коммуникации.

©БГУ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Е.А. ЛАРИОНОВА, Е.Е. ДОЛБИК

A category of Definite and Indefinite in Russian and Polish is a semantic category. It is a linguistic universals. It reflects national circumstances, the mentality of peoples. The category Definite and Indefinite is expressed implicitly in Russian and Polish. However the means of expression of this category are expressed on the phonetic, lexical, morphological, syntactic levels. Accent-prosodic means of expression category (Phrase intonation) are center of the field of Definite and Indefinite in Russian and Polish. Center of pronominal form are indefinite and demonstrative pronouns. The texts of modern drama have a destruction of the opposition Definite and Indefinite. This category is one of the style-forming for poetic texts. The specificity of functioning of this category in newspapers depends on the genre newspaper text. There are not indefinite pronouns, there are demonstrative pronouns, replays, complex sentences with subordinate attributive in the news. There are indefinite pronouns, metaphorical expressions, zero positions in problematic articles

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, категория определенности/неопределенности, теория функциональной грамматики

1. ВВЕДЕНИЕ

Человек в своей деятельности постоянно сталкивается с определенностью и неопределенностью, с процессами их взаимопревращения. В познавательном процессе человек стремится снять существующую неопределенность, уменьшить количество своих предположений, догадок и тем самым получить определенное, достоверное знание. В своей практической деятельности человек имеет дело с процессами выбора из некоторого множества возможностей, с реализацией лишь одной из них.

В настоящее время философами, лингвистами и другими учеными осознается важность категорий определенности и неопределенности для познания действительности. Определенность и неопределенность характеризуют как объективную действительность, так и отражение ее в формах деятельности субъекта и рефлексии самой этой деятельности. Всеобщность, гносеологический охват весьма широкого круга предметов этими понятиями дополняется и достаточной их содержательностью, что позволяет использовать их в качестве методологически эффективных средств научного познания.

В современном постоянно меняющемся мире вопрос об определенности в жизни, уверенности в завтрашнем дне стоит крайне остро для каждого человека. Во время смены эпох, катаклизмов, ускорения темпов развития социального развития проблема определенности и неопределенности является очень важной как для одного человека, так и для общества в целом. Определенность и неопределенность являются не просто частью данных тенденций, но также и средством их постижения. Таким образом, познание и осмысление данных категорий весьма своевременно и актуально.